

Грозный сделал все возможное и невозможное, дабы ее подорвать: не зря же, наблюдая Москву при Федоре, умный англичанин Джильс Флетчер пророчил (и напроорочил) России гражданскую войну.

Для той эпохи самое высокое отличие — святость. Напомню, что ни один из московских царей к лику праведников причислен не был (хотя святых князей в нашем месяцеслове предостаточно). Нет никакого сомнения, что Федора собирались канонизовать. Цитата из вдовьего плача Ирины Годуновой — это цитата из «Жития благоверного и благородного и христолюбивого государя царя и великого князя всея Руси», памятника, написанного «смирным Иовом, патриархом Московским» (Ирина, конечно, голосила по мужу, как и пристало любой русской женщине, но ее голошение и этикетный плач, сочиненный Иовом, — вещи разные). Житие было первым шагом к задуманной канонизации. Она не осуществилась — потому, видимо, что просто не хватило времени. Миновало короткое и несчастливое царствование Бориса Годунова. Близкий к нему Иов остался верен и злополучному его сыну Федору Борисовичу, убитому сторонниками Лжедмитрия. В июне 1605 г. приверженцы самозванца «свели» Иова с патриаршества, схватив его во время богослужения и ограбив его палаты. На убогой телеге Иов был увезен в Старицу; там, ослепший, он умер спустя два года. В Смуту стране было не до «благоюродивого» Федора, не до его отца-тирана — вообще не до размышлений о монаршем богоподобии.

Тема «царь и архипастырь» настоятельно требует обсуждения обстоятельств, связанных с учреждением московского патриаршества. Первым патриархом суждено было стать Иову (посвящен в кремлевском Успенском соборе 25 января 1589 г.). Он сам в том же житии описывает, как это произошло.¹¹ Присмотримся к тексту Иова. По «преданиям святых апостол и заповедям святых отец» надлежит быть только четырем вселенским (экуменическим) патриархам: в Антиохии, в Иерусалиме, в Константинополе и в Александрии. «Пятому быти папе в Риме». Но римский папа давно отступил от благочестия. Следовательно, в патриаршей чередѣ есть как бы незанятое место. Константинопольский патриарх Иеремия, приехавший в 1588 г. в Москву и потрясенный ее неколебимым православием, «поставляет в Велице Росии патриарха, < . . . > бывшаго тогда митрополита Иова < . . . > нарицая его быти четвертому патриарху. В место же папино константинопольский патриарх отгуду начат нарицатися».

Эта литературная идиллия с реальностью не совпадает. На деле не обошлось без нажима и угроз. Боявшийся турок Иеремия сам был не прочь остаться в Москве и занять русский патриарший престол. С большой неохотой пошел он навстречу пожеланиям московских властей. Впрочем, ему ничего не оставалось делать.

---

¹¹ Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI—начало XVII века. С. 82 и след.